

В. ТЕНДРЯКОВ

МЕДНЫЙ КРЕСТИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. ТЕНДРЯКОВ

МЕДНЫЙ КРЕСТ

Отрывок из повести
«Чудотворная»

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

Двенадцатилетний школьник Родька Гуляев нашёл под берегом реки старую икону. Богомольные старухи объявили икону чудотворной, а его — божьим избранником. До сих пор мир для Родьки делился на три части — дом, улица, школа. Везде он чувствовал себя свободно. Свобода кончилась: дома противно — постоянные гости, разговоры об иконе, на улице не показывайся — засмеют, в школе чувствует себя чужим. Некуда спрятаться, и даже мать не защитница. Родька бунтует. На помощь ему приходит учительница Парасковья Петровна.

Всё это рассказывается в повести «Чудотворная», которую написал писатель Владимир Фёдорович Тендряков.

«Медный крестик» — отрывок из повести.

Рисунки А. А. Пахомова

Утром Родька, как всегда, собирался в школу: завязал книги и тетрадки в старый мамкин платок, надел пионерский галстук и, долго слюнявя ладони, разглаживал мятые концы на груди (вчера после школы весь день таскал его скомканным в кармане), потом метнулся к столу:

— Давай, бабушка, есть. Не то опоздаю.

Бабка, вместо того чтобы проворчать обычное: «Успеешь ещё натрескаться...» — разогнулась у печки, ушла за переборку, быстро вернулась, пряча что-то в вытянутом кулаке.

— Ну-ко, дитятко... — позвала она.

Родька с подозрением покосился на её осторожно сжатый, словно державший в себе горсть живых тараканов, кулак.

— Вот, одень, золотце, на доброе здоровье. Хватит уже нехристом-то бегать.

Перед Родькиным носом закачался на толстой шёлковой нитке маленький медный

крестик. Родька с минуту отупело моргал, потом залился краской от шеи до кончиков ушей, втянул голову в плечи:

— Ещё чего выдумала! На кой мне...

— Нельзя, родненький, ты теперь у бога на примете. Не мне небось, не бабке Жеребихе чудотворная-то открылась, и не выдумывай, ягодка, господа-то гневить непослушанием. Ну-кося, на тебя с молитвою...

Родька ещё больше съёжился, отступил назад:

— Не одену!

— Экой ты... — Бабка протянула руку. Родька отскочил; светлые с грачихинской желтизной глаза блеснули затравленно.

— Ну, чего козлом прыгаешь?

— Умру — не одену! Ребята узнают — начисто засмеют.

— Чего ради хвалиться-то тебе перед ними? Каждый всяк по себе живёт, всяк свою душу спасает. Храни себе потаённо и радуйся.

Вошла мать в туго повязанном платке, старые сапоги забрызганы грязью — видно, только что с бороньбы или от парников, вся розовая от быстрой ходьбы по славному утреннему холодку, в прищуре глаз под белесой занавесочкой ресниц — доброта.

— Опять с бабушкой не поладил?

Родька бросился к ней:

— Мам, скажи, чтоб не одевала! На кой

мне крест? Что я, старуха?.. Узнают вот в школе...

Мать нерешительно отвела глаза от бабки:

— А может, и вправду не одевать? Сама знаешь — в школе не похвалят.

Бабка разогнулась, подобрала губы, сжала в коричневый кулак крестик.

— Оберегаешь всё! Ты ему душу обереги. Гнев-то божий, чай, пострашнее, чем учительша вымочку даст.

— Не гневался же, мать, господь на него до сих пор. Даже милостью своей отметил.

— Ой, Варька, подумай — милость эта не остережение ли? Пока Родька ходил без отлички, ему всё прощалось. А ныне просто срам парню креста на шее не носить.

Мать сдавалась:

— Право, не знаю. Какой спрос с малого да несмышлёного?

— Для господа что мал, что стар — все ровни, все одинаково рабы божьи. Вот свалится беда, запоёшь тогда по-другому, вспомнишь, что сущую безделицу для бога отказала. Да и что толковать-то, тьфу! Крест на шею сыну повесить совестно!

И мать сдалась совсем:

— Надень, Роденька, крестик, будь умницей.

— Сказал — не одену!

— Вот бог-то увидит твоё упрямство.

— Плевал я на бога вашего! Знал бы, так эту икону и вырывать из земли не стал, я бы её в речку бросил!

— Окстись! Окстись, поганец! — зыкнула бабка. — Типун тебе на язык! Вот оно, Варька, потаканье-то...

На щеках матери выступили лиловые пятна, широко расставленные глаза сузились в щёлки, руки поднялись к груди, быстро перебрали пальцами все пуговицы на старенькой кофте.

— Добром тебя просят. Ну!.. Мать, дай-ко мне крест. Я-то надену на неслуха.

— Нет, пусть он себя крестным знаменем осенит! Нет, пусть он у бога прощения попросит! Пусть-ко скажет сначала: «Прости, господи, мои прегрешения».

На стене под фотографиями в картонных рамочках висел старый солдатский ремень, оставшийся от отца. Мать сняла его с гвоздя, впилась в Родьку прищуренными глазами, устрашающе переложила ремень из руки в руку:

— Слышал, что тебе старшие говорят?

Сжавшись, подняв плечи, выставив вперёд белобрысые вихры, глядя исподлобья, как волчонок, настороженно блестящими глазами, Родька тихо-тихо пододвигался к двери, навёртывая на палец конец красного галстука:

— Прав... прав не имеете!

— Вот я скину штаны и распишу права...

— Верно, Варенька, верно. Ишь, умничек!..

— Вот я в школе скажу всё...

— Пусть-ко сунутся — я учителям твоим глаза все повыцарапаю. Небось не ихнее дело... Кому говорят?!

— Верно, Варенька, верно.

Родька сжался сильнее, с ненавистью стреляя глазами то в бабуку, то в мать, чуть приметно двинул плечом в сторону дверей.

— Скидывай сапоги! Ну, быстро!.. Ни в какую школу не пушу. Ну! — Рука матери больно дёрнула за вихры. — Крестись, пащенок!

— Скажу вот всем! Скажу!.. Ой!..

Удар ремня пришёлся по плечу.

— Скидывай сапоги! Живо!.. Нету тебе школы! Нету тебе улицы! На замок запру!

Второй удар, третий... Родька отчаянно басом взревел, рванулся к двери, но бабука с непривычной для неё резвостью перегородила дорогу, схватила за ухо:

— Ишь ты, лукавый. Нет, милёнок, нет, встань-ко сюда!

У матери же было красное, расстроенное лицо, на глазах тоже слёзы.

— И что за наказание такое? Вырос на мою голову вражонок! Когда только я над тобой управу возьму? Долго будешь ещё упрямиться, мучитель мой?

Родька всхлипывал, вздрагивал телом,

размазывал слёзы рукавом чистой, надетой для школы рубахи. Его правое ухо пламенело, казалось тяжёлым, как налитый кровью петушиный гребень.

— Оставь его, Варька, — заявила бабка. — Не хочет, как знает. А есть не получит и в школу не пойдёт. Сказали тебе, скидывай сапоги!

Родька молчал, продолжая всхлипывать, упершись глазами в пол.

— Добром же тебя просят... О-о, господи! — с отчаянием воскликнула мать. — Просят же, прося-ат! Долго ль торчать над тобой, идол ты, наказание бесово!

По-прежнему упершись в пол взглядом, Родька несмело поднял руку, дотронулся щепоью до лба и неумело перекрестился.

— Чего сказать надо?

— Прос... прости... госпо-ди...

— Только-то и просили.

— Когда лоб крестят, в пол не глядят, — сурово поправила бабка. — Ну-кося, на святую икону перекрестись. Ещё раз, ещё! Не бойся, рука не отсохнет.

Родька поднял глаза на угол и увидел сквозь слёзы сердитые белки, уставившиеся на него с тёмной доски.

* * *

А на улице с огородов пахло вскопанной землёй. Солнце обливало просохшие тесовые

крыши. Сквозь жёлтую прошлогоднюю траву пробилась на свет нежные, казалось бы беспомощные, зелёные стрелки и сморщенные листочки. Зрелая пора весны. Через неделю люди привыкнут к припекающему солнышку, к яркой зелени, появится пыль на дорогах. Через неделю, через полторы от силы весна перевалит на лето... Сколько маленьких радостей сулит этот ясный день!

После уроков можно убежать в луга. Там от разлива остались озёрца-ляжины с настоящей на прели водой, тёмной, как крепкий чай. Можно выловить матёрую, перезимовавшую лягушку, привязать к её лапе нитку, пустить в озерцо, глядя, как уходит она, обрадовавшаяся свободе, вглубь, во мрак непрозрачной воды, а потом взять да вытащить обратно — шалишь, голубушка, ты теперь у нас работаешь водолазом, расскажи-ка, что видела в воде.

Можно достать пригоршней мутновато-прозрачную лягушечью икру, пересчитать чёрные точки-ядрышки, а каждое ядрышко — будущий головастик.

А лужицы помельче?.. А глубокие колёсные колеи в низинках, залитые после половодья и ещё не высохшие? В них гуляют попавшие в неволю крошечные серебристые головлики, отливающие зеленью щурята, красноглазые сорожки; замути воду — и их легко можно поймать прямо руками.

И чем веселее день, тем тяжелее на душе у Родьки. Под рубашкой, под выцветшим пионерским галстуком жжёт кожу на груди медный крестик. Сиди на уроках и помни, что ни у кого из ребят нет его... Играй на переменках, помни: если будешь возиться, чтоб не расстегнулась рубаша, увидят — засмеют... Вот он зудит сейчас, его надо прятать, как нехорошую болячку на теле. Пусть не увидят, пусть не узнают, но всё равно чувствуешь себя каким-то нечистым. Наказание это! За что? За то, что вырыл проклятую икону. И кто знает, что завтра бабка с матерью выдумают?

На улице никого. Только у дома Васьки Орехова развалилась свинья, выставила на солнце розовые соски на широком брюхе...

Ежели снять этот крест да в карман. Бросить нельзя. После школы бабка уж обязательно заглянет под рубаху. Если не окажется креста, взбучку даст, хоть из дому беги.

В карман?.. А карманы неглубокие, легко может выпасть, а то и сам ненароком вытащишь вместе с ножиком или резинкой. Лучше всего в щель куда припрятать, а на обратном пути надеть, честь честью явиться перед бабкой.

Родька остановился, торопливо принялся расстёгивать ворот под галстуком. Но из дома Ореховых вышел Васька, Родькин дружок. Под бумажным затёртым пиджаком у него

новая рубаша — яркая, канареечного цвета, с другой не спутаешь. Даже галстук, много раз стираный, вылинявший, бледней её.

Васька окликнул:

— Эй, Родька! Сколько времени сейчас? У нас ходики третий день стоят. В школу-то ещё не опоздали?

Подошёл, поздоровался за руку:

— Ты какую-то икону нашёл? Старухи за это тебе кланяться будут. Право слово, мать говорила.

Родька, отвернувшись, ловя под галстуком непослушные пуговицы и пряча покрасневшее от стыда лицо, зло ответил:

— Ты слушай больше бабью брехню!

— Так ты не нашёл икону? Врут, значит.

— Подумаешь, какая-то доска... Да что ты ко мне пристал? Вот дам в нос!..

— Но-но, ты не шибко! — Но на всякий случай Васька отодвинулся подальше.

Спорить с Родькой он боялся. Где уж, когда даже девчонки дают сдачи. Васька низкоросл, узкогруд, маленькие уши с постоянным напряжением торчат на стриженной голове; его подвижное лицо по сравнению с яркожёлтой рубашкой кажется сейчас бледным до зелени. Зато он пронырлив, всё всегда узнаёт первым. Весь в свою мать, недаром же ту прозвали по Гумнищам Клавкой Сорокой.

Обиженно сопя, Васька зашагал рядом и до самой школы не обронил ни слова.

... О кресте Родька скоро забыл. На переменах устраивал «кучу малу», лазил на берёзку «щупать» галочки яйца...

Но вот кончился последний урок, по школьному пустырю беспокойными стайками разлетались ребята в разные стороны. Родька снова вспомнил о кресте. Вспомнил, что надо идти домой, что бабка, прежде чем дать поест, потребует: «Перекрести лоб». Васька Орехов, которому было по дороге, стал вдруг неприятен Родьке: «Опять начнёт расспрашивать об иконе, пропади она пропадом! Ему бы найти такое счастье».

... У Родькиного дома на втоптанном в землю крылечке сидели двое: маленькая, с острым лицом старушка, чем-то смахивающая на болотную птицу, и безногий мужик Киндя — мать и сын, известные и в Гумнищах, и в Гушине, и в районном центре Загарье.

Этот Киндя — Акиндин Поярков — до войны был самым неприметным парнем из деревни Троица. Работал бондарем при сельпо, незамысловато играл на трёхрядке, орал «под кулак» песни, вламывался на пляски «бурлом». В войну под Орлом ему перебило обе ноги. Не один Киндя из Троицы вернулся с фронта калекой, но, кроме него, никто не бахвалился своей инвалидностью.

Часто, напившись пьяным, Киндя, сидя на култышках посреди загарьевского базара, рвал на груди рубаху, тряс кулаками, кричал:

— Для меня ныне законов нету! Могу украсть, могу ограбить — не засадят. Я человек неполноценный! Раздолье мне! Эй, вы! Кого убить? Кому пустить кровушку?

И, опираясь сильными руками на утюжки-подпорки, перекидывая обрубленное тело, бегал за народом, пугал женщин.

Его много раз, связанного, увозили в милицию, но дело до суда не доходило — жалели калеку. Киндя больше всех на свете боялся одного человека — свою мать, ветхую старушку. Были, говорят, случаи, когда та останавливала его буйство одним выкриком: «Отрекусь, нечистый!»

Последнее время безногий Киндя вовсе утихомирился: пил по-прежнему, но не буянил, торговал из-под полы на базаре туфлями, отрезами, таскался вместе с матерью по церквам — то в щелкановскую, то в загарьевскую, то за шестьдесят километров в соседний район, в Ухтомы. Об этих делах безногого Кинди, как и все ребятишки, Родька был наслышан довольно подробно. Тем ужаснее ему показалось, что этот Киндя, красномордый, опухший, с рыжей, запущенной щетиной на тяжёлом подбородке, мутными глазами и поднятыми выше ушей плечищами мужик, держась за ручки своих обшитых кожей утюжков-подпорок, стал молчаливо с размаху кланяться.

Старушка же с кряхтением поднялась, с натугой разогнулась, по-деревянному пере-

ставляя отёкшие от сидения ноги, двинулась к оторопевшему Родьке. У неё был острый нос, ввалившийся, почти без верхней губы рот углами вниз и голубенькие, по-молодому пронзительные, словно выскакивающие вперёд лица глазки. Сморщенная, тёмная рука цепко схватила Родькину руку.

— Покажись-ка, покажись, любой. — Голос её, шамкающий, был в то же время громок и скрипуч. — Да чего рвёшься-то? Не укушу... Вот, значит, ты каков! Ой, не верю, не верю, что вторым Пантелеймоном-праведником будешь. Нету в твоих глазах благолепия. Ой, нету. В бабку свою весь, а от грачихинской плоти неча ждать благости... — Она обернулась к своему кланяющемуся сыну: — Ну, хватит ветер лбом раздувать. Ишь, парень-то оробел от твоего дикого виду. Пусти, слышь.

Безногий Киндя покорно перевалился со ступенек на землю. Пока Родька, с испугом косясь, поднимался в дом, тот успел три раза с размаху поклониться, показав Родьке плешивевшую макушку.

Но и дома тоже сидели гости.

Согнутая, словно приготовившаяся сорваться с лавки, нырнуть в дверь, Жеребиха завела свою обычную песню:

— Личико что-то бледненько? Видать, напужали эти окаянные—ведьма троицкая со своим идолом обрубленным.

Кроме Жеребихи, Родька увидел ещё двоих — Мякишева с женой.

Сам Мякишев, кургузый, маленький, во круг лысины золотой младенческий пушок, окропленное весёлыми веснушками лицо кругло, вечно сияет виноватой улыбкой, как застенчивое зимнее солнышко. Он руководил гумнищинским сельпо, выступал на заседаниях, числился в активистах. Жил около магазина, в большом пятистенке под зелёной железной крышей. За всю свою жизнь Мякишев никого, верно, не обозвал грубым словом, и всё-таки многие его не любили. Председатель колхоза Иван Макарович, не скрываясь, обзывал: «Блудливая кошка. Стащит да поластится — глядишь, и с рук сходит».

Увидев у порога Родьку, Мякишев так радостно вытянул шею, что на минуту показалось — вот-вот выскочит из своего просторного с жёваными лацканами пиджака. Не только щёки — даже уши его двинулись от улыбки. Беременная жена Мякишева уставилась на Родьку выкаченными глазами, которые сразу же мокро заблестели.

— Экая ты, Катерина! — с досадой проговорила Родькина бабка. — Что толку волю слезам давать? Бог даст, всё образуется. Родишь ещё, как все бабы. Мало ли доктора ошибаются.

Заметив слёзы у жены, Мякишев сконфуженно забормотал:

— В страхе живу, покоя не знаю. — Он с расстроенной улыбкой повернулся к Родьке. — Может, это счастье наше, что ты, миленький, чудотворную-то нашёл?..

Родька, напуганный разговором с безногим Киндей, сейчас затравленно озирался. С ума все посходили? Даже Мякишев и тот к чудотворной пришёл. Вдруг да тоже просить будет? Бежать, пока не поздно! А куда?..

Выручила бабка. Она поднялась из-за стола, спросила непривычно ласково:

— Проголодался небось, внученька? Вот яишенку тебе сготовлю... Что-то матери твоей долго нету? Пора-то обеденная... Всё в колхозе да в колхозе, от дому отбилась.

Пока бабка орудовала у шестка, жарила на нащепанной лучине яичницу, Родька, словно связанный, сидел у окна, косил глазом на улицу. Жена Мякишева тихо плакала, утирала слёзы скомканным платочком. Сам же Мякишев с кисленькой, виноватой улыбкой просительным тенорком оправдывался:

— Я так считаю: оттого и непорядки в жизни, что люди от религии отступились. А без веры в душе никак нельзя жить.

— Истинно. Забыли бога, все забыли. По грехам нашим и напасти, — скромненько поддакивала со стороны Жеребиха.

— Вера-то нынче — вроде клейма какого. Меня взять в пример. Мне бы не днём пола-

галось прийти к вам, а ночью, потаённо, чтоб ни одна живая душа не видела. Человек я примете, хоть и маленький, но руководитель. Вдруг да потянут, обсуждать начнут, косточ перетирать. Легко ли терпеть...

— Ничего, за бога и потерпеть можно, отозвалась от шестка бабка.

— Так-то так, — не совсем уверенно с гласился Мякишев. — Только чего зря нарваться. Уж прошу, добрые люди, лишка-то треплите языком, что-де я сам жену-то проводил.

Заполнив избу аппетитным запахом, бабка с грохотом поставила на стол сковород и пригласила Родьку:

— Садись, золотце, ешь на доброе здоровье. — И, повернувшись к гостям, стала рахваливать: — Он у нас не какой-нибудь н слух, чтоб лба не перекрестил, за стол не сдет. Помолись, чадушко, господу.

Бабка мельком скользнула взглядо Родька лишь на секунду видел её жёлты в напряжённо собравшихся морщинах гл за, но и этого было достаточно, чтоб понять: ослушаешься — век не будет пр щения.

— Ну, чего мнёшься, сокол? Садись : стол, коль просят. Ну... Садись да бо помни.

Правая рука Родьки, тяжёлая, негнуща ся, с деревянным непослушанием подняла

ко лбу. За его спиной, громко всхлипнув, запричитала Мякишиха:

— Родненький мой, помолись за меня, грешницу! По гроб жизни благодарить буду!..

Родька съёжился...

* * *

Никогда ещё так не радовало синее небо, несмелый ветерок с лугов. Вырвался из дому, от бабки, от Жеребихи, от Мякишихи, от безногого Кинди — подальше от села! Натё вам всем, ищите ветра в поле!

За усадьбами запыхавшийся Родька пошёл медленнее.

Тёплый, рыжий весенний луг лежал под солнцем. Маслянисто-чёрная дорога, выплясывая по холмам, убегала к лесу. Лес, пока холодный, лиловый, то там и сям краплен мокрыми семейками тёмных елей. Он скоро прогреется, наглухо затянется листвой, из его глубины поплывут уныло-нежные «ку-ку».

Нет, нет, не верит Родька, что всё изменилось. Мало ли чего не случается дома. День, другой — и всё пойдёт опять так, как шло прежде. Надо немного потерпеть и побольше думать о другом, приятном...

На днях в клубе покажут новую кинокартину. Афиши уже расклеены — парень в красноармейской шапке, которые носили ещё в старую войну, позади него дым и огонь от пожаров, скачут люди на лошадях с шашка-

ми. Это кино о Павке Корчагине. Родьк знает, что про него написана целая книга. Васька Орехов зимой взял её в библиотеке и дал Родьке на три дня. Разве за три дня успеешь прочитать до конца, когда книга толще учебника! Сам-то Васька «Робинзон Крузо» целую неделю у себя держал. Родьк из-за него от библиотечарши попало... Мат всегда даёт деньги на кино и теперь не откажет. Это у бабки пяточка не выпросишь..

Скоро экзамены. Каждый год после экзаменов в школе бывает вечер самодеятельности. К нему давно уже начали готовиться. Всё село приходит смотреть. Юрка Грачёв, и седьмого класса, играет на баяне. Веньк Лупцов и Гришка Самохин покажут смешную пьеску, называется «Хирургия». Гришка дьячка играет, которому зуб рвут клещами. Он может насмешить, иной раз начнёт рассказывать — хвататься за животики.

Родьке бы хотелось сыграть матроса, что бы гранаты на поясе, винтовка на плече, и голове бескозырка с ленточками. Но такие пьес что-то не отыскали... Зато он выучил стихотворение: «Смело, братья! Ветром полны парус мой направил я...» Стихотворение подходящее — о море, о буре... Конечно, на вечер придёт председатель Иван Макарович, он моряк, ему поправится. Может, у Ивана Макаровича мичманку попросить на выступление? Выйти в матросской фуражке на сце

ну и прочитать: «Будет буря, мы поспорим и помужествуем с ней!» Только, наверное, мичманка-то Ивана Макаровича будет великовата для Родькиной головы...

Пусть дома икону обхаживают, наплевать на это. Он, Родька, как-нибудь перетерпит, будет меньше дома бывать, да и терпеть-то, наверное, придётся не век. День-другой — глядишь, всё утрясётся.

Далеко, на другом конце луга, Родька увидел несколько маленьких фигурок. По канареечной жёлтой рубаше, ясным пятнышком горевшей среди однообразно рыжей земли, он узнал Ваську Орехова. С ним, видно, и Пашка Горбунов и Венька Лупцов — вечная компания.

Не успев задуматься, что же они там затеяли, какое развлечение ждёт его, Родька без дороги, ломая остатки прошлогоднего репейника, попадая ногами в расквашенную весенней водой дерновину, бросился бегом.

Ребята топтались на берегу залитого водой плоского овражка. Двое из них были без рубаш, только Васька Орехов продолжал суетливо прыгать в своей яркой, канареечной. Ах, вот оно что — купаться надумали! В реке вода ещё мутная, неустоявшаяся, наверняка холодная до ломоты, сохранившая даже запах растаявшего снега, — купаться нельзя. Зато высыхающие луговые озёрца, оставшиеся после

половодья, уже прогреты солнцем.

— Э-э-эй!— закричал Родька. — Че-ерти! Меня обождите!

Длинный Папка Горбунов стоял у самой воды, втыкнув голову в плечо, на окрик недовольно оглянулся. Венка Лупцов, выгнув смуглую гибкую спину, сидел на корточках возле одежды и поджидал бегущего Родьку с любопытством и удовольствием. На его чумазой физиономии выразалась надежда—может, Грачнок первым нырнёт. Васька Орехов своей канареечно-рубахе, но без штанов смущённо стоял в стороне, похлопывал себя по липлым коленкам.

Родька подбежал, бросил с размаху картуз на землю:

— Топчетесь? Небось мурашки едят?

— Сам-то, поди, только с разгону храбрый, — ответил Венька.

— Эх!

Родька скинул пиджак, рывком через голову стащил рубаху, сел на землю, принялся с усилием снимать с ноги мокрый сапог.

— Эх, вы! Ушли и не сказались...

Но тут он заметил, что Пашка Горбунов, слепо щурясь сделал шаг от воды. Венька Лупцов, впившись в грудь Родьке чёрными, насто-роженно заблестевшими глазами, привстал у одежды. У Васьки же удивлённо, кругло, глупо открылся рот.

Полустянутый сапог выскользнул из рук — только тут почувствовал Родька висящий на шее крест.

Первым опомнился Венька. Он насмешливо сощурился, показал мелкие, плотные как горошины в стручке, зубы, спросил:

— Ты для храбрости повесил это или как?

От бросившейся в голову крови зашумело в ушах, перед затуманенными глазами по рыжему лугу поплыло расплывчатое пятно, жёлтое, под цвет Васькиной рубахи.

Родька не помнил, как вскочил на ноги. Ковыляя на полустянутом сапоге, он двинулся к Веньке. Васька Орехов, стоявший всё ещё с открытым ртом, взглянул в Родькино лицо без штанов, в одной рубахе зайцем прыгнул в сторону. Родька увидел, как вытянулась подвижная Венькина физиономия, как в чёрных глазах заметалась какая-то искорка. Венька не успел подняться — Родька ударил его с размаху прямо в испуганные чёрные глаза.

— За что? — крикнул тот, падая на спину.

Родька шагнул, запнулся о полустянутый сапог, упал прямо на Веньку, вцепился в него.

Васька Орехов, не отрывая округлившихся глаз от дерущихся, принялся, путаясь и оступаясь, натягивать штаны. Пашка Горбунов бросился к ним, стал хватать длинными цепкими руками за голые плечи.

— Сдурел, Родька, сдурел! Что он тебе сделал?

Вырвавшись из рук Пашки, Родька, не поднимая головы, как-то странно горбаться, подхватил с земли свой пиджак и рубаху и почти бегом, запинаясь о ненатянутый сапог, заковылял прочь.

Никто из ребят не стал его догонять. Стояли на берегу озерца, глядели вслед. Венька Лупцов вытирал кулаком кровь под носом.

Шёлковый шнурочек у медного крестика был прочен. Родька рвал его с остервенением, не чувствуя, как врезается он в шею. Наконец разорвал, бросил крест в сторону...

* * *

А утро началось для Родьки с удач.

Удача — его мать, вставшая, как всегда, рано и, должно быть, укрывшая одеялом разметавшегося сына, не заметила, что у него на шее нет креста.

Удача, что в сараюшке, где сидел подсвинок, провалился прогнивший пол и бабка всё утро возилась — выгребала навоз, прилаживала новую половицу. Ей было не до Родьки. И Родька перед завтраком не перекрестил лба.

На улице звонко лаяли собаки, на унавоженной дороге весело воевали воробьи, слышалось довольное карканье ворон, с окраины села, со стороны скотных дворов, где обшивали тёсом новое здание сепараторки, доносился захлёбывающийся, свирепо-восторженный

вой циркульной пилы, распарывающей из конца в конец сосновое бревно.

Вчера вечером Родька считал, что произошло непоправимое — нельзя больше жить дома, нельзя ходить в школу. Вчера вечером твёрдо решил: сунуть в карман кусок хлеба, спрятать учебники под крыльцо и... бежать из села. Сначала в Загарье, а там будет видно...

И вот он стоит, жмурится на солнце, слушает хвастливое кудахтанье соседской несушки — учебники в руке, ржаная горбушка оттопыривает карман — и чувствует, что не так уж всё страшно: ну, бабка за потерянный крест поколотит — мало ли случилось от неё хватать плюх, — ну, ребята будут смеяться, да и то, пусть-ка попробуют. Стоит ли из-за пустяков бежать из дому, разве плохо ему жилось раньше?..

Родька решительно зашагал к школе.

Плевать на бабушку, плевать на ребят, всё образуется, всё пойдёт по-прежнему!

Но тут Родька увидел обтянутую лияной кофтой согнутую спину старой Жеребихи, ковыряющейся в ящике с капустной рассадой. А вдруг да она поднимет голову, заметит Родьку, остановит, запоёт умильным голосом: «Ангелок... Божий избранник... Праведник». Услышат люди... Родька почувствовал неприятный холодок в груди, опустив голову, косясь на жеребихинский двор, торопливо двинулся

дальше. И сейчас же заметил, что проходит мимо дома Ореховых. Может выскочить Васька... Родька прибавил шагу.

И, когда этот дом был позади, одна простая мысль заставила тоскливо сжаться сердце: зачем он бежал, зачем он старался спрятаться? Он идёт в школу, а там, прячась не прячась, они все — Пашка Горбунов, Васька Орехов и Венька Лупцов — учатся в одном классе. Уж тут не вывернешься...

За что такое несчастье? Что он сделал плохого? Не воровал, не бил стёкол в домах, не ругался худыми словами. За то, что нашёл под берегом икону? Будь она проклята! Эх, знать бы наперёд!..

Втянув голову в поднятые плечи, согнув спину, вялой походкой шёл, ошеломлённый не совсем ещё понятным ему несчастьем Родька, двенадцатилетний мальчишка, которому приходится бояться людского осуждения.

* * *

— Гуляев!

Родька, как от удара, рывком обернулся. Тяжёлой мужской поступью подходила Парасковья Петровна, учительница русского языка, Родькина классная руководительница.

— До уроков зайдём-ка в учительскую.

Минуту назад ещё можно было решиться забросить книги, повернуть в сторону, бежать.

Теперь поздно: рука Парасковьи Петровны легла на плечо.

От просторной учительской отделена перегородкой крошечная комната. В ней стоит горбатый диван, обтянутый блестящей чёрной клеёнкой. Эту комнату называют кабинетом директора, но она часто служит и для других целей. На протяжении многих лет тут давались крутые выговоры провинившимся ученикам, совершались длительные увещевания, разбирались дела, которые по тем или иным причинам не следовало выносить на широкое обсуждение. В этот-то кабинет, поёживаясь в нервном ознобе, вошёл Родька и уселся на вздутый диван, сразу ощутив сквозь штаны казённый холодок чёрной клеёнки.

Парасковья Петровна подперла щеку кулаком:

— Опять рукам волю даёшь? За что Лупцова ударил?

Родька не ответил, сидел прямо, с усилием упираясь руками в диван, боясь пошевелиться, чтоб не съехать вниз по гладкой клеёнке.

— Молчишь? А ведь я знаю, из-за чего ударил.

Родька перестал на секунду дышать, остановил взгляд на толстой ножке стола, точёной, как крылечная балясина: сейчас заговорит о кресте.

— Из-за трусости своей ты ударил. Ис-

пугался, что товарищи узнают, что, быть может, до Парасковьи Петровны дойдёт? Так?.. Обидно мне, братец.

Родька с недоумением поднял глаза.

— Удивляешься? И удивляться нечего: обидно мне, что мои ученики боятся ко мне прийти и рассказать всё. Ведь, наверно, не-легко было?

Родька кивнул головой, опустил глаза.

— Это бабка тебе то украшение надела?

— Они меня в школу не пускали, — наконец выдавил из себя Родька.

— Значит, и мать тоже?

— Тоже...

Парасковья Петровна поднялась, тяжело опуская на пол сапоги, прошла из угла в угол.

Родька же, следивший за ней исподлобья, видел только одно: Парасковья Петровна сердится, но, кажется, не на него, Родьку.

— Креститься заставляли? — спросила Парасковья Петровна.

— Заставляли.

— А ты не хотел?

— Не хотел... За стол не пускали.

— Так.

Снова несколько тяжёлых шагов из одного угла в другой.

— Ладно, Родя, уладим. Я поговорю с твоей матерью. Сегодня же... Вот два урока проведу и схожу к вам.

Подошла вплотную, взъерошила ладонью сухие, упрямые волосы на Родькиной голове.

— Всё уладим. Только, братец, больше кулаки не распускай. С Лупцовым надо помириться. Вот мы его сейчас сюда вызовем.

Через пять минут в дверь бочком вошёл Венька Лупцов, сразу же отвернулся от Родьки. Нос у него распухший, красный, выражение лица оскорблённо-постное.

— Гуляев хочет извиниться перед тобой, — объявила Парасковья Петровна. — Подайте друг другу руки, и забудем это некрасивое дело... Ну, что, Родион, сидишь? Встань... Быстро, быстро, сейчас звонок подадут...

Венька и Родька вместе вышли из учительской. В коридоре, по пути к своему классу, пряча глаза друг от друга, накоротке переругнулись.

— Зараза ты! Драться полез! Чего я тебе сделал?

— А ты ябедничать сразу! Мне Федька Сомов, помнишь, как съездил! Я ни словечка никому не сказал.

— И я бы не говорил, да нос шибко распух. Парасковья Петровна сама дозналась...

Такая перебранка только укрепляла примирение.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Владимир Фёдорович Тендряков

МЕДНЫЙ КРЕСТИК

Ответственный редактор
И. Г. О д о е в ц е в а.
Художественный редактор
Б. Г. С м и р н о в.
Технический редактор
Т. С. Х а р и т о н о в а.
Корректоры
А. Г. З е м ц о в а,
Л. Л. Б у б н о в а.

ИБ 2529

Сдано в набор 8/VI 1977 г. Подписа-
но к печати 14/XII 1977 г. Формат
70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,6 Уч.-изд.
л. 1,4. Тираж 1 000 000 экз. Заказ
№ 399. Цена 5 коп. Ленинградское
отделение ордена Трудового Крас-
ного Знамени издательства «Дет-
ская литература». Ленинград, 192187,
наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская
книга» № 2 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета Совета
Министров РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной тор-
говли. Ленинград, 193036, 2-я Совет-
ская, 7

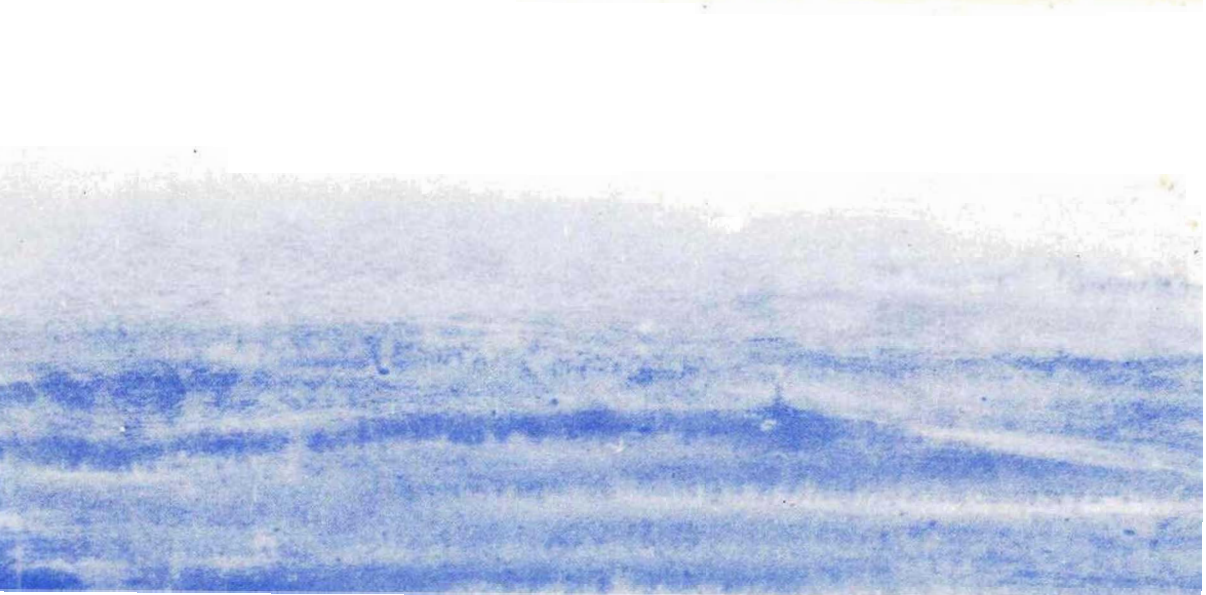
Тендряков В. Ф.

ТЗЗ Медный крестик. Отрывок из повести «Чудо-
творная». Изд. 3-е. Рис. А. А. Пахомова. Л., «Дет.
лит.», 1978 г.

31 с. с ил. (Школьная библиотека «Читаем сами»)

Отрывок из повести «Чудотворная» рассказывает о том, как деревен-
ские богомольные старухи заставляли пионера молиться богу.

Р2

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература»
выпускает для вас серию книг «Читаем сами».
В 1977 году выходят книги:

УМНАЯ ДУНЯ

Сказки

Солоухин В.

НОЖИЧЕК С КОСТЯНОЙ РУЧКОЙ

Рассказ

Баруздин С.

СВЕТЛАНА-ПИОНЕРКА

Рассказы

Вестли А. К.

НЕМНОЖЕЧКО ЛЕТНИХ КАНИКУЛ

*Отрывок из книги
о норвежской семье*

Благинина Е.

ОГОНЕК

Стихи